

ЕКАТЕРИНА МЕЧЕТИНА:

Культура. — 2003. — 6-12 марта. — с. 12

Я не работаю пианисткой. Я так живу

Хочу понять этих людей: и в смысле возраста (они, конечно, совсем другое поколение), и в смысле призвания (профессия музыканта таинственна и для меня до конца непостижима). Прочитал блистательную беседу Андрея Хрипина с Денисом Мацуевым ("Культура", № 7), получил множество ответов, но и вопросов тоже. И решил за разъяснениями пойти к одному из самых модных сегодня молодых музыкантов — Екатерине МЕЧЕТИНОЙ, которая была гостьей "Ночного полета", но какое-то ощущение недоговоренности осталось. В свои 24 года Катя умудрилась стать лауреатом многих международных конкурсов, она — стипендиат Фонда Мстислава Ростроповича, солистка Московской государственной филармонии. Но главное, что ее имя вызывает интерес и у профессионалов, и у публики. Ее мнение и компетентно, и интересно.

— Мы с вами встречаемся накануне очередного конкурса... Кстати, это какой по счету конкурс у вас?

— Сейчас посчитаю... Если ничего не забыла — одиннадцатый.

— И это за двадцать четыре года жизни... И по сколько часов в день вы занимаетесь?

— По-разному бывает, но когда активная предконкурсная работа — часов по шесть каждый день.

— В общем, с четырех лет вся ваша жизнь целиком подчинена музыке. Вы никогда не жалели обо всем том интересном и привлекательном для молодой девушки, что неминуемо проходит мимо вас?

— Честное слово, у меня нет зависти к этой мифической девушке. Помоему, это она должна завидовать мне. Профессия дала мне возможность увидеть мир: Венецию, Париж, Калифорнию, Кувейт... В десять лет на конкурсе в Италии я выиграла концертный рояль. Вместе с моим первым педагогом Тамарой Леонидовной Колосов мы ежегодно — в течение десяти лет! — ездили в Японию, не говоря уже о других странах мира. Да всего и не перечислишь! Но это даже не главное. Игра на рояле — тяжелый труд, чего скрывать, но то, что испытываешь на сцене во время концерта, ни с чем не сравнимо. Я даже не знаю, как это назвать... Это и не счастье, и не полет, и не вдохновение, и не удовольствие. Это и счастье, и полет, и вдохновение, и удовольствие. И еще какой-то кураж... Ну нет этому названия!

— И все-таки попробуем разобраться... Меня вообще очень интересует, о чем думают люди в тот или иной момент их профессиональной работы. О чем думает пианист за роялем?

— Когда я была меньше, думать могла о чем угодно, буквально обо всем. Сейчас — не так. Происходит невероятная концентрация, я не столько думаю, сколько слушаю себя и стараюсь скорректировать, когда понимаю: что-то не так.

— Любовь к музыке в вас воспитала мама?

— Любовь нельзя воспитать, наверное, я родилась с этой любовью. Кстати, родилась я через три месяца после того, как мама окончила консерваторию. Моя мама — самый близкий друг, моя самая главная поддержка в жизни. Глупо публично объясняться в любви своей маме, однако очевидно: не было бы ее, не было бы никаких моих успехов.

— То, что вы были музыкальным вундеркиндом, вам помогает или мешает в дальнейшей карьере?

— Конечно, помогает. Впервые я вышла на сцену в пять лет. У меня огромный опыт концертной деятельности, это колоссальное преимущество.

— В каком возрасте вы осознали, что в вашей жизни нет другого пути, кроме пути профессионального музыканта?

— Я никогда серьезно не рассматривала других альтернатив. Вообще, если честно, я ведь ничего другого и не умею, да и не стремлюсь научиться.

— Вы ставите себе какие-то конкретные творческие цели?

— Любимый исполнитель, относящийся к своему делу серьезно, хочет, в сущности, одного: быть концертирующим по всему миру музыкантом. Но при этом я очень не хочу становиться рабом своей профессии и ограничивать свою жизнь только выступлениями.

— Конкурсы — единственный путь к "мировой славе"?

— К сожалению, это практически так. И это, увы, превращает музыкантов в спортсменов. Конкурсы часто выявляют не самых талантливых и самобытных, а самых здоровых и выносливых.

— Вы участвовали в огромном количестве конкурсов, можете ли вы подтвердить, что борьба на них всегда ведется честно?

— Вы, наверное, сами знаете, что это не так. Но мне не очень удобно об этом говорить, потому что я сама участвую в конкурсах, и может получиться так, будто я оправдываю свои иногда случающиеся неудачи. Музыкант должен играть, все остальное — не в его власти.

— Победа на конкурсе открывает путь к карьере. Объясните, пожалуйста, что это значит практически?

— Во-первых, не на любом. В Италии существует огромное количество конкурсов, чуть ли не в каждой деревне... Тех же, о которых говорили вы, около десяти, при этом некоторые из них проводятся раз в три-четыре года. В мире существуют, наверное, миллионы пианистов и десять конкурсов. Такая вот статистика удачи.

— Правильно ли я понимаю, что вполне возможна следующая ситуация: очень талантливый пианист, который, возможно, мог бы стать гордостью планеты, так и не сумев победить ни на одном конкурсе, уходит из профессии?

— Конечно, так бывает. И тут самое главное, чтобы неудача на конкурсах не сломала человека. Потому что, если у него хватит сил, вполне возможно, что его талант рано или поздно кто-нибудь заметит и оценит.

— В одном из выпусков моей программы "Ночной полет" наш известнейший пианист Николай Петров говорил о том, что престиж Международного конкурса имени Чайковского, — речь шла о пианистах, — падает. Вы согласны с этим утверждением?

— С этим трудно спорить уже хотя бы потому, что на XII конкурс практически не приехали музыканты из Европы. Думаю, что на следующем конкурсе ситуация вряд ли изменится. Конкурс пианистов, на котором победил Денис Мацуев, был очень сильным по составу, но с тех пор си-

Е. Мечетина

туация меняется, и явно не в лучшую сторону.

— В своем интервью Денис Мацуев говорит много добрых слов о профессоре Доренском. Но я, честно говоря, так и не понял: в чем же его уникальность?

— Понятно, что это высочайший мастер, профессионал. Но, знаете, что меня поражает? Сергей Леонидович никогда ничего не навязывает, он старается в каждом ученике открыть его собственное, открыть его индивидуальность. И еще. Он каким-то одному ему ведомым способом умеет вселять в учеников веру в свои силы. Не случайно его класс называют "звездным". Но я бы назвала его еще "музыкальным братством", там создается некая аура, существовать в которой не только полезно, но и приятно.

— Громко о вас заговорили после участия в фестивале, посвященном 70-летию Родиона Щедрина. Признаться, очень страшно было играть Щедрина — для Щедрина?

— К счастью, впервые это произошло не на концерте, а на репетиции...

— Один на один? Так это же еще страшнее...

— Понимаете, ситуация вообще была экстремальной: я должна была выучить очень сложную сорокапятиминутную программу за две недели. К тому же два из трех произведений являлись премьерными — мировой и российской. Поэтому встреча с Щедриным не столько пугала, сколько предоставляла возможность посоветоваться с автором. Родион Константинович оказался очень доброжелательным человеком, и встреча с ним придавала уверенности.

— Как оценил Щедрина вашу игру?

— Это нужно спрашивать у него. Могу только сказать, что для меня его оценка была весьма и весьма лестной. Родион Константинович Щедрина, как и его супруга Майя Михай-

ловна Плисецкая, — настоящие русские интеллигенты. С одной стороны, это, безусловно, великие, а с другой — очень простые, душевные люди. Меня потрясло, что после концерта Майя Михайловна подошла к моим родителям и долго беседовала с ними — так, словно они знакомы давно.

— Вся ваша пока недолгая жизнь отдана музыке. Вы никогда не задавались вопросом: "А зачем все это?"

— Мои родители — музыканты, и то, что красиво называется "мир музыки", всегда было для меня главным миром. Я же не работаю пианисткой, я просто так живу. Это моя жизнь. Если вы меня спросите: "Зачем жизнь?" — я не знаю. Поживу еще, разберусь.

— Все равно не могу понять: ну что-то еще есть в вашей жизни, кроме этой бесконечной игры на инструменте?

— Хобби нет. Ничего не собираю, не выращиваю, не конструирую. Телевизор почти не смотрю. Я живу нормальной жизнью: читаю книги, общаюсь с друзьями, гуляю по Интернету. Ну, ей-Богу, все как у всех.

— Екатерина, вы еще когда-нибудь бываете так же счастливы, как во время концерта?

— Бываю даже более счастлива. Но это уже — из личной жизни.

— Кстати, вы — красивая, молодая женщина. С моей стороны было бы нелепо не спросить про вашу личную жизнь...

— Что вы хотите услышать? Здесь у меня все происходит так же, как у той мифической девушки, про которую мы говорили в начале интервью. Личная жизнь есть. Но давайте больше не говорить об этом.

— А про все остальное, мне кажется, многое стало понятно.

Беседу вел
Андрей МАКСИМОВ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ